

БОРИС
АКУНИН

ЛЕВИАФАН

Приключения Эраста Фандорина

Борис Акунин

Левиафан

«Abecca Global Inc»

1998

Акунин Б.

Левиафан / Б. Акунин — «Abessa Global Inc»,
1998 — (Приключения Эраста Фандорина)

15 марта 1878 года на рю де Гренель в Париже совершено страшное убийство. Убит лорд Литтлби и девять его слуг. Преступник не взял из дома ничего, кроме статуэтки бога Шивы и цветного платка. Расследование приводит комиссара полиции Гоша на роскошный корабль «Левиафан», плывущий в Калькутту. Убийца на корабле, но кто это? Среди подозреваемых, каждый из которых прячет свою тайну, английский аристократ, офицер Японской армии, беременная жена швейцарского банковского служащего и молодой русский дипломат с седыми висками...

Содержание

Кое-что из черной папки комиссара Гоша	6
Часть первая	11
Комиссар Гош	11
Реджинальд Милфорд-Стоукс	21
Рената Клебер	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Борис Акунин

Левиафан

© В. Akunin, автор, 1998

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Кое-что из черной папки комиссара Гоша

Протокол осмотра места преступления, совершенного вечером 15 марта 1878 года в особняке лорда Литтлби на рю де Гренель

(7 округ города Парижа)

[Фрагмент]

...По невыясненной причине весь обслуживающий персонал находился в буфетной, что расположена на первом этаже особняка налево от вестибюля (помещение 3 на схеме 1). Точное расположение мертвых тел показано на схеме 4, где:

№ 1 – труп дворецкого Этьена Деларю 48 лет,

№ 2 – труп экономки Лоры Бернар 54 лет,

№ 3 – труп личного лакея хозяина Марселя Пру 28 лет,

№ 4 – труп сына дворецкого Люка Деларю 11 лет,

№ 5 – труп горничной Арлетт Фош 19 лет,

№ 6 – труп внучки экономки Анн-Мари Бернар 6 лет,

№ 7 – тело охранника Жана Лесажа 42 лет, умершего в больнице Сен-Лазар утром 16 марта, не приходя в сознание,

№ 8 – труп охранника Патрика Труа-Бра 29 лет,

№ 9 – труп привратника Жана Карпантье 40 лет.

Тела, обозначенные под №№ 1–6, расположены в сидячих позах вокруг большого кухонного стола, причем №№ 1–3 застыли, уронив голову на скрещенные руки, № 4 сложил под щекой ладони, № 5 откинулась на спинку стула, а № 6 сидит на коленях у № 2. Лица у №№ 1–6 спокойные, без малейших признаков страха или страдания. В то же время №№ 7–9, как видно по схеме, лежат поодаль от стола. № 7 держит в руке свисток, однако никто из соседей минувшим вечером свиста не слышал. У № 8 и № 9 на лицах застыло выражение ужаса или, во всяком случае, крайнего изумления (фотографические снимки будут представлены к завтрашнему утру). Следы борьбы отсутствуют. Повреждения на телах при беглом осмотре также не обнаружены. Причину смерти без вскрытия установить невозможно. По признакам трупного окоченения судебно-медицинский врач мэтр Вернем установил, что смерть наступила в разное время, между 10 часами вечера (№ 6) и 6 часами утра, а № 7, как уже было доложено, умер позднее, в больнице. Не дожидаясь результатов медицинской экспертизы, осмелюсь предположить, что все жертвы были подвергнуты воздействию сильнодействующего яда с быстрым усыпляющим эффектом, а время остановки сердца зависело то ли от полученной дозы яда, то ли от физической крепости каждого из отравленных.

Входная дверь особняка прикрита, но не заперта. Однако на окне оранжереи (пункт 8 на схеме 1) наличествуют явные следы взлома: стекло разбито, под окном на узкой полоске разрыхленной земли виден неотчетливый след мужского ботинка с подошвой в 26 сантиметров, острым носком и подкованным каблучком (фотографические снимки будут представлены). Вероятно, преступник проник в дом через сад, причем уже после того, как слуги были отравлены и погрузились в сон – иначе они непременно услышали бы звон разбитого стекла. В то же время непонятно, зачем преступнику после того, как слуги были обезврежены, понадобилось лезть через сад – ведь он мог спокойно пройти внутрь дома из буфетной. Так или иначе, преступник поднялся из оранжереи на второй этаж, где расположены личные покои лорда Литтлби (см. схему 2). Как видно по схеме, в левой части второго этажа всего два помещения: зал, где размещена коллекция индийских раритетов, и непосредственно примыкающая к залу спальня хозяина. Тело лорда Литтлби обозначено на схеме 2 под № 10 (см. также контурный рисунок). Лорд Литтлби одет в домашнюю куртку и суконные панталоны, правая ступня обмотана толстым слоем бинта. Судя по первичному осмотру тела, смерть наступила в результате необычайно сильного удара тяжелым продолговатым предметом в теменную область. Удар нанесен спереди. Ковер на несколько метров вокруг забрызган кровью и мозговым веществом. Забрызгана также разбитая стеклянная витрина, в которой, судя по табличке, прежде находилась статуэтка индийского бога Шивы (надпись на табличке: «Бангалор, 2-я пол. XVII в., золото»). Фоном для исчезнувшего изваяния служили расписные индийские платки, один из которых также отсутствует.

Из отчета доктора Бернема о результатах патологоанатомического исследования трупов, доставленных с рю де Гренель

...Однако, если причина смерти лорда Литтлби (труп № 10) ясна и необычным здесь можно считать лишь силу удара, расколовшего черепную коробку на семь фрагментов, то с №№ 1–9 картина была менее очевидна и потребовала не только вскрытия, но и химико-лабораторного исследования. Задачу до некоторой степени облегчил тот факт, что Ж. Лесаж (№ 7) в момент первичного осмотра был еще жив, и по некоторым характерным признакам (булавочные зрачки, замедленное дыхание, холодная липкая кожа, покраснение губ и мочек) можно было предположить отравление морфием. К сожалению, во время первичного осмотра на месте преступления мы исходили из казавшейся очевидной версии перорального принятия яда и посему тщательно осмотрели только полость рта и глотку погибших. Когда ничего патологического найти не удалось, экспертиза зашла в тупик. Лишь при исследовании в морге у каждого из девяти покойников обнаружился едва заметный след инъекции на внутреннем сгибе левого локтя. Хоть это и выходит из сферы моей компетенции, позволю себе с достаточной долей уверенности предположить, что уколы сделаны лицом, имеющим немалый опыт процедур подобного рода. К такому выводу меня привели два обстоятельства: 1) инъекции сделаны исключительно аккуратно, ни у кого

из осматриваемых не осталось видимой глазу гематомы; 2) нормальный срок впадения в состояние наркотического забытья составляет три минуты, а это значит, что все девять уколов были сделаны именно в данный интервал. Либо операторов было несколько (что маловероятно), либо один, но обладающий поистине поразительной сноровкой – даже если предположить, что он заранее приготовил по снаряженному шприцу на каждого. В самом деле, трудно представить, что человек в здравом рассудке подставит руку для укола, если на его глазах кто-то уже потерял сознание от этой процедуры. Мой ассистент мэтр Жоли, правда, считает, что все эти люди могли находиться в состоянии гипнотического транса, но за многолетнюю работу мне ни с чем похожим сталкиваться не приходилось. Обращаю также внимание г-на комиссара на то, что №№ 7–9 лежали на полу в позах, выражавших явное смятение. Полагаю, что эти трое получили инъекции последними (или же обладали повышенной сопротивляемостью) и перед тем, как потерять сознание, поняли, что с их товарищами происходит нечто подозрительное. Лабораторный анализ показал, что каждая из жертв получила дозу морфия, примерно втрое превышающую летальную. Судя по состоянию трупа девочки (№ 6), которая должна была скончаться первой, инъекции были сделаны между 9 и 10 часами вечера 15 марта.

Десять жизней за золотого божка!

Кошмарное злодеяние в фешенебельном квартале

Сегодня, 16 марта, весь Париж только и говорит, что о леденящем кровь преступлении, нарушившем чинное спокойствие аристократичной рю де Гренель. Корреспондент «Ревю паризьен» поспешил на место трагедии и готов удовлетворить законное любопытство наших читателей.

Итак, сегодня утром почтальон Жак Ле-Шьен, как обычно, в начале восьмого позвонил в дверь элегантного двухэтажного особняка, принадлежащего известному британскому коллекционеру лорду Литтлби. Когда привратник Карпантье, всегда лично принимающий почту для его сиятельства, не отворил, г-н Ле-Шьен удивился и, заметив, что входная дверь приоткрыта, вошел в прихожую. Минуту спустя 70-летний ветеран почтового ведомства с диким воплем выбежал обратно на улицу. Прибывшая по вызову полиция обнаружила в доме настоящее царство Аида – семеро слуг и двое детей (11-летний сын дворецкого и 6-летняя внучка экономки) – спали вечным сном. Прибывшая полиция поднялась на второй этаж и нашла там хозяина дома, лорда Литтлби. Он плавал в луже крови, убитый в том самом хранилище, где содержалась его прославленная коллекция восточных редкостей. 55-летний англичанин был хорошо известен в высшем обществе нашей столицы. Он слыл человеком эксцентричным и нелюдким, однако ученые-археологи и востоковеды почитали лорда Литтлби истинным знатоком индийской истории. Неоднократные попытки дирекции Лувра выкупить у лорда отдельные экземпляры его пестрой коллекции отвергались с негодованием. Покойный особенно дорожил уникальной золотой статуэткой

Шивы, которая оценивается знающими людьми по меньшей мере в полмиллиона франков. Человек мнительный и подозрительный, лорд Литтлби очень боялся грабителей, и в хранилище денно и ночно дежурили двое вооруженных охранников.

Непонятно, почему охранники покинули свой пост и спустились на первый этаж. Непонятно, к какой неведомой силе прибег преступник, чтобы без малейшего сопротивления подчинить своей воле всех обитателей дома (полиция подозревает, что использован какой-то быстродействующий яд). Однако ясно, что самого хозяина злодей застать дома не ожидал – его дьявольские расчеты были явно нарушены. Должно быть, именно этим следует объяснить звериную жестокость, с которой был умерщвлен почтенный коллекционер. Похоже, что с места преступления убийца скрылся в панике. Во всяком случае, он прихватил только статуэтку да один из расписных индийских платков, выставленных в той же витрине. Платок, видимо, понадобился, чтобы завернуть золотого Шиву – иначе блеск изваяния мог бы привлечь внимание кого-то из поздних прохожих. Прочие ценности (а их в коллекции немало) остались нетронутыми. Ваш корреспондент установил, что лорд Литтлби вчера оказался дома случайно, по роковому стечению обстоятельств. Он должен был вечером уехать на воды, однако из-за внезапного приступа подагры остался дома – себе на погибель.

Кошунственный размах и циничность массового убийства на рю де Гренель поражают воображение. Какое пренебрежение к человеческим жизням! Какая чудовищная жестокость! И ради чего – ради золотого истукана, который теперь и продать-то невозможно! При переплавке же Шива превратится в обычный двухкилограммовый слиток золота. Двести грамм желтого металла – вот цена, которую преступник дал каждой из десяти загубленных душ. *O tempora, o mores!* – воскликнем мы вслед за Цицероном.

Однако есть основания полагать, что неслыханное злодеяние не останется безнаказанным. Опытнейший из сыщиков парижской префектуры Гюстав Гош, которому поручено расследование, доверительно сообщил вашему корреспонденту, что полиция располагает некоей важной уликой. Комиссар абсолютно уверен, что возмездие будет скорым. На наш вопрос, не совершено ли преступление кем-либо из профессиональных грабителей, г-н Гош лукаво улыбнулся в свои седые усы и загадочно ответил: «Нет, сынок, тут ниточка тянется в хорошее общество». Больше вашему покорному слуге не удалось вытянуть из него ни единого слова.

Ж. дю Руа

Вот это улов!

Золотой Шива найден! «Преступление века» на рю де Гренель – дело рук сумасшедшего?

Вчера, 17 марта, в шестом часу пополудни, 13-летний Пьер Б., удивший рыбу у Моста Инвалидов, так прочно зацепился крючком за дно, что был вынужден лезть в холодную воду. («Что я, дурак, настоящий английский крючок бросать?» – сказал юный рыбак нашему репортеру.) Доблесть Пьера

была вознаграждена: крючок зацепился не за какую-нибудь вульгарную корягу, а за увесистый предмет, наполовину ушедший в ил. Извлеченный из воды, предмет засиял неземным блеском, ослепив изумленного рыболова. Отец Пьера, отставной сержант и ветеран Седана, догадался, что это и есть знаменитый золотой Шива, из-за которого позавчера убили десять человек, и доставил находку в префектуру.

Как это понимать? Преступник, не остановившийся перед хладнокровным и изощренным убийством стольких людей, почему-то не пожелал воспользоваться трофеем своей чудовищной предприимчивости! Следствие и публика поставлены в тупик. Публика, кажется, склонна считать, что в убийце запоздало пробудилась совесть, и он, ужаснувшись содеянного, бросил золотого истукана в реку. Многие даже полагают, что злодей и сам утопился где-нибудь неподалеку. Полиция же менее романтична и находит в непоследовательности действий преступника явные признаки безумия.

Узнаем ли мы когда-нибудь истинную подоплеку этой кошмарной, непостижимой истории?

Альбом парижских красавиц

Серия из 20 фотографических карточек высылается наложенным платежом за 3 фр. 99 сантим., включая стоимость пересылки. Уникальное предложение! Торопитесь – тираж ограничен. Париж, рю Койпель, типография «Пату и сын».

Часть первая Порт-Саид – Аден

Комиссар Гош

В Порт-Саиде на борт «Левиафана» поднялся новый пассажир, занявший номер восемнадцатый, последнюю вакантную каюту первого класса, и у Гюстава Гоша сразу улучшилось настроение. Новенький выглядел многообещающе: сдержанные и неторопливые движения, непроницаемое выражение красивого лица – на первый взгляд вроде бы совсем молодого, но когда объект снял котелок, неожиданно обнаружились виски с проседью. Любопытный экземпляр, решил комиссар. Сразу видно – с характером и, что называется, *с прошлым*. В общем, несомненный клиент папаши Гоша.

Пассажир шел по трапу, помахивая портпледом, а потные грузчики волокли изрядный багаж: дорогие скрипучие чемоданы, добротные саквояжи свиной кожи, объемистые связки с книгами и даже складной велосипед (одно большое колесо, два маленьких и пук блестящих металлических трубок). Замыкали шествие двое бедолаг, тащивших внушительного вида гимнастические гири.

Сердце Гоша, старой ищейки (так любил аттестовать себя сам комиссар), затрепетало от охотничьего азарта, когда у новенького не оказалось золотого значка – ни на шелковом лацкане щегольского летнего пальто, ни на пиджаке, ни на цепочке от часов. Теплее, совсем тепло, думал Гош, зорко поглядывая на франта из-под кустистых бровей и попыхивая своей любимой глиняной трубочкой. И то сказать – с чего он взял, старый башмак, что душегуб сядет на пароход непременно в Саутгемптоне? Преступление совершено 15 марта, а сегодня уже 1 апреля. Запросто можно было добраться до Порт-Саида, пока «Левиафан» огибал западный контур Европы. И вот вам пожалуйста, одно к одному: по типу явный клиент плюс билет первого класса плюс главное – без золотого кита.

Проклятый значок с аббревиатурой пароходной компании «Джаспер-Арто партнершип» с некоторых пор начал сниться Гошу по ночам, и сны все были какие-то на редкость пакостные. Например, давешний.

Комиссар катался с мадам Гош на лодочке в Булонском лесу. Светило солнышко, насвистывали птички. Вдруг из-за вершин деревьев выглянула гигантская золотистая морда с бессмысленными круглыми глазами, разинула пасть, в которой запросто поместилась бы Триумфальная арка, и стала всасывать в себя пруд. Гош, обливаясь потом, налег на весла. Между тем оказалось, что дело происходит вовсе и не в парке, а посреди безбрежного океана. Веслагнулись, как соломинки, мадам Гош больно тыкала зонтиком в спину, а огромная сияющая туша заслонила весь горизонт. Когда она выпустила фонтан в полнеба, комиссар проснулся и трясущейся рукой зашарил по столику – где там трубка и спички?

Впервые золотого кита Гош увидел на рю де Гренель, когда осматривал бранные останки лорда Литтлби. Англичанин лежал, разинув рот в немом крике – фальшивая челюсть наполовину выскочила, выше лба кровавое суфле. Гош присел на корточки – показалось, что у трупа между пальцев посверкивает золотая искорка, и, разглядев, заурчал от удовольствия. Сама собой подвалила редкостная, прямо-таки небывалая удача, какая бывает только в криминальных романах. Покойник, умница, преподнес следствию важную улику – не на блюдечке, на ладошке. На, Гюстав, держи. И попробуй только упустить того, кто мне башку раздрызгал – лопнуть тебе тогда от стыда, старый ты пень.

Золотая эмблема (правда, сначала Гош еще не знал, что это эмблема, – думал, брелок или булавоочная заколка с монограммой владельца) могла принадлежать только убийце. На всякий случай комиссар, конечно, показал кита младшему лакею (вот кому повезло-то: 15 марта у парня был выходной, что и спасло ему жизнь), но лакей никогда раньше у лорда этой безделушки не видел. И слава Богу.

Дальше завертелись маховики и закрутились шестеренки всего громоздкого полицейского механизма – министр и префект бросили на раскрытие «Преступления века» все лучшие силы. Уже к вечеру следующего дня Гош знал, что три буквы на золотом ките – не инициалы какого-нибудь запутавшегося в долгах прожигателя жизни, а обозначение только что созданного франко-британского судоходного консорциума. Кит же оказался эмблемой чудо-корабля «Левиафан», недавно спущенного со стапелей в Бристоле и готовящегося к своему первому рейсу в Индию.

О гигантском пароходе газеты трубили уже не первый месяц. Теперь же выяснилось, что в канун первого плавания «Левиафана» Лондонский монетный двор отчеканил золотые и серебряные памятные значки: золотые для пассажиров первого класса и старших офицеров судна, серебряные – для пассажиров второго класса и субалтернов. Третий класс на роскошном корабле, где достижения современной техники сочетались с небывалым комфортом, не предусматривался вовсе. Компания гарантировала путешественникам полное обслуживание, так что брать с собой в плавание прислугу было необязательно. «Внимательные лакеи и тактичные горничные пароходства позаботятся о том, чтобы вы чувствовали себя на борту «Левиафана» как дома!» – гласила реклама, напечатанная в газетах всей Европы. Счастливым, заказавшим каюту на первый рейс Саутгемптон – Калькутта, вместе с билетом вручали золотого или серебряного кита, в зависимости от класса. А заказать билет можно было в любом крупном европейском порту, от Лондона до Константинополя.

Что ж, эмблема «Левиафана» – это хуже, чем инициалы владельца, но задача усложнилась ненамного, рассудил комиссар. Все золотые значки считанные. Надо просто дождаться 19 марта – именно на этот день назначено торжественное отплытие, – приехать в Саутгемптон, подняться на пароход и посмотреть, у кого из пассажиров первого класса нет золотого кита. Или (что вероятнее всего), кто из купивших за такие деньжищи билет не явился на борт. Он-то и будет клиент папаша Гоша. Проще картофельного супа.

Уж на что Гош не любил путешествовать, а тут не удержался. Очень хотелось самолично раскрыть «Преступление века». Глядишь, наконец и дивизионного дадут. До пенсии всего три года. Одно дело по третьему разряду пенсион получать, и совсем другое – по второму. Разница в полторы тысячи франков в год, а полторы тысячи на дороге не валяются.

В общем, сам напросился. Думал, прокатиться до Саутгемптона – ну, в худшем случае доплыть до Гавра, первой остановки, а там уж и жандармы на причале, и репортеры. Заголовок в «Ревю паризьен»: *«Преступление века» раскрыто: наша полиция на высоте*. Или того лучше: *«Старая ищейка Гош не подкачал»*.

О-хо-хо. Первый неприятный сюрприз ждал комиссара в мореходной конторе, в Саутгемптоне. Выяснилось, что на чертовом пароходище целых сто кают первого класса и десять старших офицеров. Все билеты проданы. Сто тридцать две штуки. И на каждый выдано по золотому значку. Итого сто сорок два подозреваемых, ничего себе? Но ведь эмблемы-то не окажется только у одного, успокаивал себя Гош.

Утром 19 марта нахохлившийся от сырого ветра, замотанный в теплое кашне комиссар стоял возле трапа, рядом с капитаном мистером Джосайей Клиффом и первым лейтенантом месье Шарлем Ренье. Встречали пассажиров. Духовой оркестр попеременно играл английские и французские марши, на пирсе возбужденно галдела толпа, а Гош пытал все яростней, грызя ни в чем не повинную трубку. Увы – из-за холодной погоды все пассажиры были в плащах,

пальто, шинелях, капотах. Поди-ка разбери, у кого есть значок, а у кого нет. Это был подарочек номер два.

Все, кто должен был сесть на пароход в Саутгемптоне, оказались на месте, а сие означало, что, несмотря на потерю значка, преступник на пароход все-таки прибыл. Видно, считает полицейских полными идиотами. Или надеется затеряться среди такой уймы народа? А может, у него нет другого выхода?

В общем, ясно было одно: прокатиться до Гавра придется. Гошу выделили резервную каюту, предназначенную для почетных гостей пароходства.

Сразу после отплытия в гранд-салоне первого класса состоялся банкет, на который комиссар возлагал особые надежды, поскольку в приглашениях было указано: «Вход по предъявлении золотой эмблемы или билета первого класса». Ну кто ж станет носить в руке билет – куда как проще прицепить красивого золотого левиафанчика.

На банкете Гош отвел душу – каждого взглядом обшарил. Иным дамам был вынужден в самое декольте носом тыкаться. Висит там что-то в ложбинке на золотой цепке – то ли кит, то ли просто кулон. Как не проверить?

Все пили шампанское, угощались всякими вкусностями с серебряных подносов, танцевали, а Гош работал: вычеркивал из списка тех, у кого значок на месте. Больше всего мороки было с мужчинами. Многие, стервецы, прицепили кита к цепочке от часов, да и сунули в жилетный карман. Комиссару пришлось одиннадцать раз поинтересоваться, который нынче час.

Неожиданность номер три: у всех офицеров значки были на месте, но зато безэмблемных пассажиров обнаружилось целых четверо, притом двое женского пола! Удар, раскроивший череп лорда Литтлби, словно скорлупу ореха, был такой мощи, что нанести его мог только мужчина, и не просто мужчина, а изрядный силач. С другой стороны, комиссару как опытнейшему специалисту по уголовным делам было отлично известно, что в состоянии аффекта либо истерического возбуждения самая слабая дамочка способна совершать истинные чудеса. Да что далеко за примерами ходить. В прошлом году модистка из Нейи, сущая пигалица, выкинула из окна, с четвертого этажа, неверного любовника – упитанного рантье вдвое толще и в полтора раза выше ее самой. Так что женщин, оказавшихся без значка, исключать из числа подозреваемых не следовало. Хотя где это видано, чтобы женщина, да еще дама из общества, умела с такой сноровкой делать уколы...

Так или иначе, расследование на борту «Левиафана» обещало затянуться, и комиссар проявил свою всегдашнюю обстоятельность. Капитан Джосайя Клифф единственный из офицеров парохода был посвящен в тайну следствия и имел инструкцию от руководства компании оказывать французскому блюстителю закона всяческое содействие. Гош воспользовался этой привилегией самым бесцеремонным образом: потребовал, чтобы все интересующие его персоны были приписаны к одному и тому же салону.

Тут необходимо пояснить, что из соображений приватности и уюта (в рекламе парохода говорилось: «Вы ощутите себя в атмосфере доброй старой английской усадьбы») особы, путешествующие первым классом, должны были столоваться не в огромном обеденном зале вместе с шестьюстами носителями демократичных серебряных китов, а были расписаны по комфортабельным «салонам», каждый из которых носил собственное название и имел вид великосветской гостиной: хрустальные светильники, мореный дуб и красное дерево, бархатные стулья, ослепительное столовое серебро, напудренные официанты и расторопные стюарды. Комиссар Гош облюбовал для своих целей салон «Виндзор», расположенный на верхней палубе, прямо в носовой части: три стены из сплошных окон, превосходный обзор, даже в пасмурный день можно не зажигать ламп. Бархат здесь был золотисто-коричневого оттенка, а на льняных салфетках красовался виндзорский герб.

Вокруг овального стола с прикрученными к полу ножками (это на случай сильной качки) стояло десять стульев с высокими резными спинками, украшенными всякими готическими

финтифлюшками. Комиссару понравилось, что все будут сидеть за одним столом, и он велел стюарду расставить таблички с именами не просто так, а со стратегическим смыслом: четверых безэмблемных пристроил аккуратно напротив себя, чтобы глаз с них, голубчиков, не спускать. Усадить во главу стола самого капитана, как планировал Гош, не получилось. Мистер Джосайя Клифф не пожелал (по его собственному выражению) «участвовать в этом балагане» и обосновался в салоне «Йорк», где столовались новый вице-король Индии с супругой и двое генералов Индийской армии. «Йорк» располагался в престижной кормовой части, на максимальном удалении от зачумленного «Виндзора», где воцарился первый помощник Шарль Ренье. Он сразу пришелся комиссару не по душе: лицо загорелое, обожженное ветрами, а говорит сладенько, черные волосы блестят от бриллиантина, усишки нафабрены в две закорючки. Шут гороховый, а не моряк.

За двенадцать дней, миновавшие с момента отплытия, комиссар успел хорошенько приглядеться к соседям по салону, обучился светским манерам (то есть не курить во время трапезы и не собирать подливу коркой хлеба), более или менее усвоил сложную географию плавающего города, притерпелся к качке – а к цели так и не приблизился.

Ситуация была такая.

Поначалу первым по степени подозрительности числился сэр Реджинальд Милфорд-Стоукс. Тощий, рыжий, с растрепанными бакенбардами. На вид лет двадцать восемь – тридцать. Ведет себя странно: то таращит зеленые глаза куда-то вдаль и на вопросы не отвечает, то вдруг оживится и понесет ни к селу ни к городу про остров Таити, про коралловые рифы, про изумрудные лагуны и хижины с крышами из пальмовых листьев. Явный психопат. Зачем баронету, отпрыску богатого семейства, ехать на край света, в какую-то Океанию? Чего он там не видал? Вопрос об отсутствующем значке – между прочим, заданный дважды – чертов аристократ проигнорировал. Смотрел сквозь комиссара, а если и взглянет, то словно на муху какую. Сноб поганый. Еще в Гавре (стояли четыре часа) Гош сбегал на телеграф, отбил запрос в Скотланд-Ярд: мол, что за Милфорд-Стоукс такой, не замечен ли в буйстве, не баловался ли изучением медицины. Ответ пришел перед самым отплытием. Оказалось, ничего интересного, да и странности объяснились. Но золотого кита у него все-таки нет, а значит, из списка клиентов рыжего вычеркивать рано.

Второй – месье Гинтаро Аоно, «японский дворянин» (так написано в пассажирском регистре). Азиат как азиат: невысокий, сухонький, не поймешь какого возраста, с жидкими усиками, колючие глазки в щелочку. За столом в основном помалкивает. На вопрос о занятиях, смутившись, пробормотал: «офицер императорской армии». На вопрос о значке смутился еще больше, обжег комиссара ненавидящим взглядом и, извинившись, выскочил за дверь. Даже суп не доел. Подозрительно? Еще бы! Вообще же дикарь дикарем. В салоне обмахивается ярким бумажным веером, будто педераст из развеселых притонов за рю Риволи. По палубе разгуливает в деревянных шлепанцах, хлопчатом халате и вовсе без панталонов. Гюстав Гош, конечно, за свободу, равенство и братство, но все-таки не следовало такую макаку в первый класс пускать.

Теперь женщины.

Мадам Рената Клебер. Молоденькая. Пожалуй, едва за двадцать. Жена швейцарского банковского служащего. Едет к мужу в Калькутту. Красавицей не назовешь – остроносенькая, подвижная, говорливая. С первой же минуты знакомства сообщила о своей беременности. Этому обстоятельству подчинены все ее мысли и чувства. Мила, непосредственна, но совершенно несносна. За двенадцать дней успела досмерти надоесть комиссару болтовней о своем драгоценном здоровье, вышиванием чепчиков и прочей подобной ерундой. Настоящий живот на ножках, хотя срок беременности пока небольшой и собственно живот только-только обозначился. Разумеется, Гош улучил момент и спросил, где эмблема. Швейцарка захлопала ясными глазенками, пожаловалась, что вечно все теряет. Что ж, это очень даже могло быть. К Ренате

Клебер комиссар относился со смесью раздражения и покровительственности, всерьез же за клиентку не держал.

Вот ко второй даме, мисс Клариссе Стамп, бывалый сыщик приглядывался куда как заинтересованней. Тут что-то, кажется, было нечисто. Вроде бы англичанка и англичанка, ничего особенного: скучные белесые волосы, не первой молодости, манеры тихие, чинные, но в водянистых глазах нет-нет да и промелькнет этакая чертовщинка. Знаем, видели таких. Кто в тихом омуте-то водится? Опять же примечательные детальки. Так, ерунда, кто другой и внимания бы не обратил, но у старого пса Гоша глаз цепкий. Платья и костюмы у мисс Стамп дорогие, новехонькие, по последней парижской моде, сумочка из черепахи (видел такую в витрине на Елисейских полях – триста пятьдесят франков), а записную книжечку достала – старая, дешевенькая, из простой писчебумажной лавки. Раз сидела на палубе в шальке (ветрено было), так у мадам Гош точь-в-точь такая же, из собачьей шерсти. Теплая, но не для английской леди. И что любопытно: новые вещи у этой Клариссы Стамп все сплошь дорогие, а старые плохонькие и самого низкого качества. Неувязочка. Как-то перед файф-о-клоком Гош у нее спросил: «А что это вы, сударыня, золотого кита ни разу не наденете? Не нравится? По-моему, шикарная вещица». Что вы думаете? Залилась краской почище «японского дворянина» и говорит: мол, надевала уже, вы просто не видели. Врет. Уж Гош бы заметил. Была у комиссара одна тонкая мыслишка, но тут требовалось подгадать психологически верный момент. Вот и посмотрим, как онаотреагирует, эта Кларисса.

Раз уж мест за столом десять, а безэмблемных набралось четверо, решил Гош дополнить комплект за счет прочих субъектов, хоть и со значками, а тоже по-своему примечательных. Чтоб расширить круг поиска – места-то все равно остаются.

Перво-наперво потребовал от капитана, чтобы к «Виндзору» приписали главного корабельного врача месье Труффо. Джосайя Клифф поворчал, но уступил. Зачем Гошу понадобился главный врач – понятно: единственный на «Левиафане» медик, уколных дел мастер, которому по статусу положен золотой значок. Доктор оказался низеньким, полненьким итальянцем с оливковой кожей и лобастой лысой головой, которую венчал жидковатый зачес. Просто не хватало воображения представить этого комичного субъекта в роли беспощадного убийцы. Вместе с врачом пришлось выделить место его супруге. Доктор всего две недели как женился и решил совместить полезное с приятным, то есть службу с медовым месяцем. Стул, занятый новоиспеченной мадам Труффо, пропадал зря. Постная, не улыбочивая англичанка, избранница пароходного эскулапа, казалась вдвое старше своих двадцати пяти лет и нагоняла на Гоша смертельную тоску, как впрочем, и большинство ее соотечественниц. Он сразу окрестил ее «овцой» за белые ресницы и блеющий голос. Впрочем, рот она раскрывала редко, поскольку французского не знала, а разговоры в салоне, слава Богу, в основном велись именно на этом благородном наречии. Значка у мадам Труффо вообще никакого не было, но это и естественно – она и не офицер и не пассажир. Еще комиссар усмотрел в регистре некоего индолога-археолога Энтони Ф. Свитчайлда и решил, что индолог ему в самый раз сгодится. Ведь покойник Литтлби тоже был чем-то в этом роде. Мистер Свитчайлд, долговязый штырь в круглых очках и с козлиной бороденкой, в первый же ужин сам завел разговор об Индии. После трапезы Гош отвел профессора в сторонку и осторожно повернул беседу к коллекции лорда Литтлби. Индолог-археолог пренебрежительно обозвал покойника дилетантом, а его коллекцию кунсткамерой, собранной безо всякого научного подхода. Мол, единственная настоящая ценность там – золотой Шива. Хорошо, что Шива отыскался сам по себе, потому что французская полиция, как известно, умеет только взятки брать. От этого вопиюще несправедливого замечания Гош сердито закашлялся, но Свитчайлд лишь посоветовал ему поменьше курить. Далее ученый снисходительно заметил, что Литтлби, пожалуй, обзавелся неплохим собранием расписных тканей и платков, среди которых попадаются крайне любопытные экземпляры, но это скорее из области туземных ремесел и прикладного искусства. Недурен и сандаловый ларец

XVI века из Лахора с резьбой на сюжет из Махабхараты – и дальше завел такую бодягу, что комиссар вскоре клевал носом.

Последнего соседа Гош подобрал, что называется, на глазок. В буквальном смысле. Дело в том, что недавно комиссару довелось прочесть одну занятную книжечку, переведенную с итальянского. Некий Чезаре Ломброзо, профессор судебной медицины из итальянского города Турина, разработал целую криминалистическую теорию, согласно которой прирожденные преступники не виноваты в своем антиобщественном поведении. По эволюционной теории доктора Дарвина, человечество проходит в своем развитии определенные этапы, постепенно приближаясь к совершенству. Преступник же – эволюционный брак, случайное возвращение на предшествующую ступень развития. Поэтому распознать потенциального убийцу и грабителя очень просто: он похож на обезьяну, от которой все мы и произошли. Комиссар долго размышлял над прочитанным. С одной стороны, среди пестрой череды убийц и грабителей, с которыми ему пришлось иметь дело за тридцать пять лет полицейской службы, далеко не все походило на горилл, попадались такие ангелочки, что взглянешь – слеза умиления прошибает. С другой стороны, обезьяноподобных тоже хватало. Да и в Адама с Евой старый Гош, убежденный антиклерикал, не верил. Теория Дарвина выглядела поосновательней. А тут среди пассажиров первого класса попался ему на глаза один фрукт – прямо с картинки «Характерный тип убийцы»: низкий лоб, выпирающие надбровные дуги, маленькие глазки, приплюснутый нос, скошенный подбородок. Вот комиссар и попросил поместить этого самого Этьена Буало, чайного торговца, в «Виндзор». Оказался милейшим человеком – весельчак, отец одиннадцати детей и убежденный филантроп.

В общем, получалось, что и в Порт-Саиде, следующем порте после Гавра, плавание папаши Гоша не закончится. Расследование затягивалось. При этом многолетнее чутье подсказывало комиссару, что он тянет пустышку, нет среди всей этой публики настоящего фигуранта. Вырисовывалась тошнотворная перспектива плыть по всему чертову маршруту Порт-Саид – Аден – Бомбей – Калькутта, а в Калькутте повеситься на первой же пальме. Не возвращаться же побитой собакой в Париж! Коллеги поднимут на смех, начальство станет тыкать в нос поездочкой в первом классе за казенный счет. Не турнули бы на пенсию раньше срока...

В Порт-Саиде Гош скрепя сердце разорился на дополнительные рубашки, поскольку плавание выходило длинным, запаса египетским табачком и от нечего делать прокатился за два франка на извозчике вдоль знаменитой гавани. Ничего особенного. Ну, здоровенный маяк, ну два длиннющих мола. Городишко производил странноватое впечатление – и не Азия, и не Европа. Посмотришь на резиденцию генерал-губернатора Суэцкого канала – вроде Европа. На центральных улицах сплошь европейские лица, разгуливают дамы под белыми зонтиками, топают пузом вперед богатенькие господа в панамах и соломенных канотье. А свернула коляска в туземный квартал – там зловоние, мухи, гниющие отбросы, чумазые арабские гамены кланчат мелочь. И зачем только богатые бездельники ездят в путешествия? Везде одинаково: одни жиреют от обжорства, другие пухнут от голода.

Устав от пессимистических наблюдений и жары, комиссар вернулся на корабль понурым. А тут такая удача – новый клиент. И похоже, перспективный.

Комиссар наведлся к капитану, навел справки. Итак, имя – Эраст П. Фандорин, российский подданный. Возраст российский подданный почему-то не указал. Род занятий – дипломат. Прибыл из Константинополя, следует в Калькутту, оттуда в Японию, к месту службы. Из Константинополя? Ага, должно быть, участвовал в мирных переговорах, которыми завершилась недавняя русско-турецкая война. Гош аккуратно переписал все данные на листок, прибрал в заветную коленкорovou папочку, где хранились все материалы по делу. С папкой он не расставался никогда – листал, перечитывал протоколы и газетные вырезки, а в минуту задумчивости рисовал на полях рыбок и домики. Это прорывалось заветное, из глубины сердца. Вот

станет он дивизионным комиссаром, заработает приличную пенсию, и купят они с мадам Гош хорошенький домик где-нибудь в Нормандии. Будет отставной парижский флик рыбу удить да собственный сидр гнать. Плохо ли? Эх, к пенсии капиталец бы – хотя бы тысяч двадцать...

Пришлось еще раз наведаться в порт, благо пароход ждал очереди на вход в Суэцкий канал, и отбить телеграммку в префектуру: не известен ли Парижу русский дипломат Э. П. Фандорин, не пересекал ли в недавнее время границ Французской республики?

Ответ пришел скоро, через два с половиной часа. Выяснилось, что пересекал, родной, и даже дважды. Первый раз летом 1876 года (ну это ладно), а второй раз в декабре 1877-го, то есть три месяца назад. Прибыл из Лондона, зарегистрирован паспортно-таможенным контролем в Па-де-Кале. Сколько пробыл во Франции, неизвестно. Вполне возможно, что 15 марта еще обретался в Париже. Мог и на рю де Гренель заглянуть со шприцем в руке – чем черт не шутит?

Стало быть, нужно освобождать местечко за столом. Лучше всего было бы, конечно, избавиться от докторши, но не покушаться же на священный институт брака. Малость подумав, Гош решил сплавить в другой салон чайного торговца – как не оправдавшего теоретических надежд и наименее перспективного. Пускай стюард его пересадит. Мол, есть местечко в салоне с господами поважнее или с дамочками посмазливей. На то он и стюард, чтобы подобные вещи устраивать.

Появление в салоне нового персонажа вызвало маленькую сенсацию – за время пути все уже успели изрядно друг другу поднадоесть, а тут свежий господин, и такой импозантный. Про бедного месье Буало, представителя промежуточной ступени эволюции, никто даже не спросил. Комиссар отметил, что больше всех оживилась мисс Кларисса Стамп, старая дева: понесла что-то про художников, про театр, про литературу. Гош и сам любил на досуге посидеть в кресле с хорошей книжкой, всем авторам предпочитал Виктора Гюго – оно и жизненно, и возвышенно, и слезу прошибает. Да и дремлет на славу. Однако про русских писателей с шелестящими именами он, разумеется, и слыхом не слыхивал, так что принять участие в беседе не мог. Только зря старалась английская селедка, больно молод для нее месье Fandorine.

Рената Клебер тоже не бездействовала – предприняла попытку зачислить новенького в штат своих клеветов, которых она безжалостно гоняла то за шалью, то за зонтиком, то за стаканом воды. Через пять минут после начала ужина мадам Клебер уже посвятила русского во все перипетии своего деликатного состояния, пожаловалась на мигрень и попросила сходиться за доктором Труффо, который нынче что-то задерживался. Однако дипломат, кажется, сразу раскусил, с кем имеет дело, и вежливо посетовал, что не знает доктора в лицо. Поручение помчался исполнять услужливый лейтенант Ренье, самая преданная из нянек беременной банкирши.

Первое впечатление от Эраста Фандорина было такое: немногословен, сдержан, вежлив. На вкус Гоша слишком уж лощеный. Крахмальным воротничок торчит будто алебастровый, в шелковом галстуке жемчужная булавка, в петлице (фу ты – ну ты) алая гвоздика. Гладкий проборчик волосок к волоску, холеные ногти, тонкие черные усы словно углем нарисованы.

По усам о мужчине можно заключить многое. Если такие, как у Гоша – моржовые, свисающие по углам рта, – значит, человек основательный, знающий себе цену, не вертопрах, на мишуру такого не возьмешь. Если подкрученные вверх, да еще с заостренными концами, – это юбочник и бонвиван. Сросшиеся с бакенбардами – честолюбец, мечтает быть генералом, сенатором или банкиром. Ну, а когда такие, как у месье Фандорина, – это от романтического представления о собственной персоне.

Что еще можно было сказать про русского? По-французски говорит прилично. Характерная деталь – слегка заикается. Значка как не было, так и нет. Больше всего интереса дипломат проявил к японцу, задавал ему всякие скучные вопросы про Японию, но самурай отвечал настороженно, словно ожидал подвоха. Дело в том, что новенький не объяснил обществу, куда и зачем едет – просто назвал свое имя и сказал, что русский. Комиссару же любознательность

русского была понятна – ему в Японии жить. Гош представил страну, где все поголовно такие, как месье Аоно, все живут в кукольных домиках с загнутыми крышами и чуть что выпускают себе потроха. М-да, русскому не позавидуешь.

После ужина, когда Фандорин сел в сторонке выкурить сигару, комиссар пристроился в соседнем кресле и задымил трубкой. Ранее Гош представился новому знакомому парижским рантье, из любопытства совершающим путешествие на Восток (такая была у него легенда). Теперь же повел разговор к делу, но издалека, остороженько так. Повертел у себя на лацкане золотого кита (того самого, с рю Гренель), сказал как бы между прочим, для завязки беседы:

– Красивая штучка. Не находите?

Русский покосился на лацкан, промолчал.

– Чистое золото. Шик! – похвалил Гош.

Снова выжидательное молчание, но вполне учтливое. Просто ждет человек, что последует дальше. Голубые глаза смотрят внимательно. Кожа у дипломата хороша – чистый персик. Румянец прямо как у девушки. Но не маменькин сынок, это сразу видно.

Комиссар решил сменить тактику.

– Много путешествуете?

Неопределенное пожатие плечами.

– Вы ведь, кажется, по дипломатической части?

Фандорин вежливо наклонил голову, вынул из кармана длинную сигару, отрезал серебряным ножиком кончик.

– И во Франции бывать приходилось?

Опять утвердительный наклон головы. Собеседник из месье русского неважнецкий, подумал Гош, но отступить не собирался.

– Я больше всего люблю Париж ранней весной, в марте, – мечтательно произнес сыщик. – Лучшее время года!

Он зорко взглянул на своего визави и внутренне подобрался – что скажет?

Фандорин кивнул дважды. Непонятно: то ли просто принял к сведению, то ли согласен. Начиная раздражаться, Гош враждебно насупил брови.

– Так вам значок не нравится?

Трубка зашипела и погасла.

Русский коротко вздохнул, сунул руку в жилетный карман, двумя пальцами достал золотого кита и наконец соизволил разомкнуть уста:

– Я вижу, сударь, вас интересует мой з-значок? Вот он, извольте. Не ношу, потому что не желаю быть похожим на дворника с бляхой, хоть бы и з-золотой. Это раз. На рантье, месье Гош, вы непохожи – слишком взглядом рыскаете. Да и зачем парижскому рантье таскать с собой казенную папку? Это два. Раз вам известен мой род занятий, стало быть, имеете д-доступ к судовым документам. Полагаю, что вы детектив. Это три. Теперь четыре. Если вам нужно у меня что-то выяснить, не ходите вокруг да около, а спрашивайте напрямую.

Вот и поговори с таким.

Пришлось выкручиваться. Гош доверительно шепнул не в меру проникательному дипломату, что является штатным корабельным детективом, призванным заботиться о безопасности пассажиров – но негласно и со всей возможной деликатностью, дабы не оскорблять чувств изысканной публики. Неизвестно, поверил ли Фандорин, однако расспрашивать ни о чем не стал.

Нет худа без добра. Теперь у комиссара появился если не единомышленник, то по крайней мере собеседник, к тому же отличавшийся удивительной наблюдательностью и на редкость осведомленный в криминологии.

Они частенько сживали вдвоем на палубе, поглядывали на пологий берег канала, курили (Гош трубку, русский сигару) и беседовали на разные любопытные темы. Например – о сверхсовременных методах идентификации и уличения преступников.

– Парижская полиция строит свою работу по последнему слову науки, – похвастал раз Гош. – Там в префектуре есть специальная служба идентификации, которой заведует молодой гений, Альфонс Бертильон. Он разработал целую систему регистрации преступных элементов.

– Я встречался с доктором Бертильоном во время моего последнего п-парижского визита, – неожиданно сказал Фандорин. – Он рассказал мне о своем антропометрическом методе. Бертильонаж – остроумная теория, очень остроумная. Вы уже начали п-применять ее на практике? Каковы результаты?

– Пока никаких, – пожал плечами комиссар. – Сначала нужно подвергнуть бертильонажу всех рецидивистов, а это займет годы. У Альфонса в отделе настоящий бедлам: приводят арестантов в кандалах, обмеряют их со всех сторон, как лошадей на ярмарке, расписывают данные на карточки. Зато скоро работка у полиции будет не бей лежачего. Допустим, находишь на месте кражи со взломом отпечаток левой руки. Замеряешь, идешь в картотеку. Ага, средний палец длиной 89 миллиметров, ищи в секции № 3. А там зарегистрированы семнадцать взломщиков с пальцем соответствующей длины. Дальше – сущие пустяки: проверь, кто из них где был в день кражи и хватай того, у кого нет алиби.

– Значит, преступники делятся на секции по д-длине среднего пальца? – с живейшим интересом спросил русский.

Гош снисходительно усмехнулся в усы:

– Там целая система, мой юный друг. Бертильон делит всех людей на три группы – по длине черепа. Каждая из трех групп делится на три подгруппы – по ширине черепа. Стало быть, подгрупп всего девять. Подгруппа, в свою очередь, делится на три секции – по размеру среднего пальца левой руки. Секций двадцать семь. Но это еще не все. В секции три пакета – по размеру правого уха. Сколько получается пакетов? Правильно, восемьдесят один. Дальнейшая классификация учитывает рост, длину рук, высоту в сидячем положении, размер стопы, длину локтевого сустава. Всего 19.683 категории! Преступник, подвергшийся полному бертильонажу и попавший в нашу картотеку, никогда уже не сможет уйти от правосудия. Раньше-то им было раздолье – назвался при аресте вымышленным именем и не отвечаешь за все, что раньше натворил.

– Это замечательно, – задумчиво произнес дипломат, – однако бертильонаж очень мало помогает при изобличении конкретного п-преступления, особенно если человек ранее не арестовывался.

Гош развел руками:

– Ну, это проблема, которую науке не решить. Пока есть преступники, без нас, профессиональных ищек, все равно не обойдешься.

– Приходилось ли вам с-слышать об отпечатках пальцев? – спросил Фандорин и показал комиссару узкую, но весьма крепкую кисть руки с отполированными ногтями и бриллиантовым перстнем.

С завистью взглянув на кольцо (годовое комиссарское жалованье, не меньше), Гош ухмыльнулся:

– Какое-нибудь цыганское гадание по ладошке?

– Вовсе нет. Еще с д-древних времен известно, что рельеф папиллярных линий на подушечках пальцев у каждого человека уникален. В Китае рабочий-кули скрепляет контракт о найме отпечатком большого пальца, обмакнутого в т-тушь.

– Ну, если бы каждый убийца был настолько любезен, что специально обмакивал бы палец в тушь и оставлял на месте преступления отпечаток... – Комиссар добродушно рассмеялся.

Однако дипломат, кажется, не был расположен шутить.

– Месье корабельный д-детектив, да будет вам известно, что современная наука достоверно установила: отпечаток остается при соприкосновении пальца с любой сухой твердой поверхностью. Если преступник хоть мельком дотронулся до двери, до орудия убийства, до оконного стекла, он оставил след, при помощи к-которого злодея можно изобличить.

Гош хотел было сыронизировать, что во Франции двадцать тысяч преступников, а у них двести тысяч пальцев, ослепнешь в лупу смотреть, но запнулся. Вспомнилась расколотая витрина в особняке на рю де Гренель. На разбитом стекле осталось множество отпечатков пальцев. Однако никому и в голову не пришло их скопировать – осколки отправились в мусор.

Ишь до чего прогресс дошел! Ведь это что получается? Все преступления совершаются руками, так? А руки-то, оказывается, умеют доносить не хуже платных осведомителей! Да если у всех бандюг и ворюг пальчики срисовать, они ж не посмеют своими грязными лапами ни за какое черное дело браться! Тут и преступности конец.

От таких перспектив просто голова шла кругом.

Реджинальд Милфорд-Стоукс

2 апреля 1878 года

18 часов 34 и 1/2 минуты по Гринвичу

Моя драгоценная Эмили,

Сегодня вошли в Суэцкий канал. Во вчерашнем письме я подробно описал Вам историю и топографию Порт-Саида, теперь же не могу удержаться, чтобы не сообщить некоторые любопытные и поучительные сведения о Великом Канале, грандиознейшем творении человеческих рук, который отметит в следующем году свое десятилетие. Известно ли Вам, моя обожаемая женоушка, что нынешний канал является уже четвертым по счету, а первый был прорыт еще в XIV веке до Рождества Христова в правление великого фараона Рамзеса? Когда Египет пришел в упадок, ветры пустыни занесли русло песком, но при персидском царе Дарии, за 500 лет до Христа, рабы вырыли новый канал, стоивший 120 000 человеческих жизней. Геродот пишет, что плавание по нему занимало четыре дня и две встречные триремы проходили друг мимо друга свободно, не касаясь веслами. Несколько кораблей из разбитого флота Клеопатры скрылись этим путем в Красное море и тем самым спаслись от гнева грозного Октавиана.

После распада Римской империи время и песок снова отделили Атлантический океан от Индийского стомильной зыбучей стеной, но стоило на этих бесплодных землях образоваться сильному государству последователей пророка Магомета, и люди снова взялись за мотыги и кирки.

Я плыву вдоль этих мертвых солончаков и бескрайних барханов, не уставая восхищаться тупым мужеством и муравьиной кропотливостью человеческого племени, ведущего нескончаемую, обреченную на неминуемое поражение борьбу с всемогущим Хроносом. Двести лет по арабскому каналу ходили суда, груженные хлебом, а потом земля стерла со своего чела жалкую морщинку, и пустыня погрузилась в тысячелетний сон.

Отцом нового Суэца, к сожалению, стал не британец, а француз Лессепс, представитель нации, к которой, милая Эмили, я отношусь с глубочайшим и вполне оправданным презрением. Этот пронырливый дипломат уговорил египетского наместника выдать фирман на создание «Универсальной компании Суэцкого морского канала». Компания получила право 99-летней аренды будущей водной магистрали, а египетскому правительству причиталось всего 15 % чистого дохода! И эти мерзкие французы еще смеют называть нас, британцев, грабителями отсталых народов! По крайней мере, мы завоевываем свои привилегии ишагой, а не заключаем грязных сделок с алчными туземными чинушами.

Ежедневно 1600 верблюдов доставляли рабочим, рывшим Великий Канал, питьевую воду, но бедняги все равно мерли тысячами от жажды, зноя и заразных болезней. Наш «Левиафан» плывет прямо по трупам, я так и вижу, как из-под песка скалятся желтыми зубами голые, безглазые черепа. Понадобилось десять лет и пятнадцать миллионов фунтов стерлингов, чтобы завершить эту грандиозную стройку. Зато теперь корабль идет из Англии в Индию почти вдвое короче, чем прежде. Каких-то 25 дней, и прибываешь в Бомбей. Невероятно! И какой размах! Глубина канала превышает 100 футов, так что даже наш исполинский ковчег плывет безбоязненно, не рискуя сесть на мель.

Сегодня за обедом меня разобрал неудержимый смех, я подавился корочкой хлеба, закашлялся и все не мог успокоиться. Жалкий фат Ренье (я писал Вам о нем, это первый лейтенант «Левиафана») с фальшивым участием спросил, в чем причина моего веселья, а я зашелся хохотом еще пуще. Не мог же я сказать ему, какая мысль меня так рассмешила. Строили канал французы, а плоды достались нам, англичанам. Три года назад правительство ее величества

выкупило у египетского хедива контрольный пакет акций, и теперь на Суэце хозяйничаем мы, британцы. А между прочим, акция канала, которую некогда продавали за 15 фунтов, ныне стоит 3000! Каково? Ну как тут не посмеяться?

Впрочем я, верно, утомил Вас этими скучными подробностями. Не взыщите, моя дорогая Эмили, – у меня нет другого досуга кроме писания длинных писем. Когда я скриплю пером по веленовой бумаге, мне кажется, что Вы рядом и я веду с Вами неспешную беседу. Знаете, от жаркого климата я стал чувствовать себя гораздо лучше. Я теперь не помню кошмаров, которые снятся мне по ночам. Но они никуда не делись – утром, когда я просыпаюсь, наволочка мокра от слез, а бывает, что и изгрызана зубами.

Ну да это пустяки. Каждый новый день, каждая миля пути приближают меня к новой жизни. Там, под ласковым солнцем экватора, эта ужасная разлука, переворачивающая мне всю душу, наконец закончится. О, скорей бы уж! Так не терпится вновь увидеть Ваши лучистый, нежный взгляд, мой милый друг.

Чем бы еще Вас развлечь? Да вот хоть бы описанием нашего «Левиафана» – тема более чем достойная. В прежних письмах я слишком много писал о своих чувствах и снах и еще не изобразил Вам во всех красках сей триумф британской инженерной мысли.

«Левиафан» – крупнейший из пассажирских судов во всей мировой истории, за исключением только колоссального «Грейт-Истерна», вот уже двадцать лет бороздящего воды Атлантики. Жюль Верн, описавший «Грейт-Истерн» в книге «Плавучий город», не видел нашего «Левиафана» – иначе он переименовал бы старичка «Г.-И.» в «плавучую деревню». Тот всего лишь прокладывает по океанскому дну телеграфные кабели, «Левиафан» же может перевезти тысячу человек и еще 10 000 тонн груза впридачу. Длина этого огнедышащего монстра превышает 600 футов, ширина достигает 80-и. Известно ли Вам, милая Эмили, как строится корабль? Сначала его **разбивают на плазе**, то есть вычерчивают в особом строении, прямо на гладко выструганном полу, чертеж судна в натуральную величину. Чертеж «Левиафана» был такого размера, что пришлось строить балаган размером с Букингемский дворец!

Чудо-пароход имеет две паровых машины, два мощных колеса по бортам и еще гигантский винт на корме. Шесть мачт, уходящих в самое небо, оснащены полным парусным вооружением, и при попутном ветре, да еще на полном машинном ходу корабль развивает скорость в 16 узлов! На пароходе использованы все новейшие достижения судостроительной промышленности. Среди них – двойной металлический корпус, который спасет судно даже при ударе о скалу; специальные боковые кили, уменьшающие качку; полное электрическое освещение; водонепроницаемые отсеки; огромные холодильники для отработанного пара – да всего не перечислишь. Весь опыт многовековой работы изобретательного и неутомимого человеческого ума сконцентрирован в этом гордом корабле, безбоязненно рассекающем морские волны. Вчера я, по своему давнему обыкновению, открыл Священное Писание на первой попавшейся странице и был потрясен – в глаза мне бросились строки о Левиафане, грозном морском чудовище из Книги Иова. Я затрепетал, внезапно поняв, что речь там идет вовсе не о морском змее, как считали древние, и не о кашалоте, как утверждают нынешние рационалисты – нет, в Библии явно говорится о том самом «Левиафане», который взялся доставить меня из мрака и ужаса к счастью и свету. Судите сами: **«Он кипятил пучину, как котел, и море претворяет в кипящую мазь; оставляет за собою светящуюся стезю; бездна кажется сединою. Нет на земле подобного ему; он сотворен бесстрашным; на все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости».**

Паровой котел, кипящая мазь – то есть мазут, светящаяся стезя – след за кормой. Ведь это же очевидно!

И мне стало страшно, милая Эмили. В этих строках содержится некое грозное предостережение – то ли персонально мне, то ли пассажирам «Левиафана», то ли всему челове-

ству. Ведь гордость с точки зрения Библии – это плохо? И если Человек с его техническими игрушками «на все высокое смотрит смело», не чревато ли это какими-нибудь катастрофическими последствиями? Не слишком ли мы возгордились своим резвым умом и проворными руками? Куда несет всех нас царь гордости? Что ждет нас впереди?

И открыл я молитвенник, чтобы помолиться – впервые за долгое-долгое время. Вдруг читаю: **«В мыслях у них, что дома их вечны, и что жилища их род в род, и земли свои называют они своими именами. Но человек в чести не пребудет; он уподобится животным, которые погибают. Этот путь их есть безумие их, хотя последующие за ними одобряют мнение их».**

Но когда, охваченный мистическим чувством, я дрожащей рукой открыл Книгу в третий раз, мой воспаленный взгляд уперся в скучное место из Чисел, где с бухгалтерской дотошностью перечисляются жертвоприношения колен Израилевых. И я успокоился, позвонил в серебряный звонок и велел стюарду принести мне горячего шоколада.

Комфорт, царящий в той части судна, которая отведена для приличной публики, поражает воображение. В этом отношении «Левиафан» уж воистину не имеет себе равных. В прошлое канули времена, когда путешествующие в Индию или Китай ютились в тесных, темных каморках друг у друга на голове. Вы знаете, любимая жenuшка, как остро развита во мне клаустрофобия, но на «Левиафане» я ощущаю себя, словно на просторной набережной Темзы. Здесь есть все необходимое для борьбы со скукой: и танцевальный зал, и музыкальный салон для концертов классической музыки, и недурная библиотека. Каюта первого класса не уступит убранством номеру лучшего лондонского отеля. Таких кают на корабле сто. Кроме того 250 кают второго класса на 600 мест (туда я не заглядывал – не выношу убожества), и, говорят, еще есть поместительные грузовые трюмы. Одной только obsługi, не считая матросов и офицеров, на «Левиафане» больше 200 человек – стюарды, повара, лакеи, музыканты, горничные. Представляете, я совершенно не жалею, что не взял с собой Джереми. Бездельник вечно совал нос не в свои дела, а тут ровно в одиннадцать приходит горничная, делает уборку и выполняет все мои поручения. Это удобно и разумно. При желании можно звонком вызвать лакея, чтобы подал одеться, но я почитаю это излишним – одеваюсь и раздеваюсь сам. В мое отсутствие прислуге входить в каюту строжайше запрещено, а, выходя, я закрепляю на двери волосок. Опасаюсь шпионов. Поверьте мне, милая Эмили, это не корабль, а настоящий город, и всякой швали тут довольно.

Сведения про пароход в основном почерпнуты мной из объяснений лейтенанта Ренье, большого патриота своего судна. Впрочем, человек он несимпатичный и находится у меня на серьезном подозрении. Из всех сил изображает джентльмена, но меня не проведешь – я дурную породу носом чувствую. Желая произвести приятное впечатление, этот субъект пригласил меня к себе в каюту. Я заглянул – не столько из любопытства, сколько из желания оценить степень угрозы, которую может представлять сей чумазый господин (о его внешности см. мое письмо от 20 марта). Обстановка скудная, что еще больше бросается в глаза из-за безвкусовых притязаний на бонитонность (китайские вазы, индийские курительницы, дрянной морской пейзажик на стене и проч.). На столе среди карт и навигационных приборов – большой фотографический портрет жenuщины в черном. Надпись по-французски: «Семь футов под килем, милый! Франсуаза Б.». Я спросил, не жена ли. Выяснилось – мать. Трогательно, но подозрений не снимает. Я по-прежнему намерен самостоятельно производить замеры курса каждые три часа, хоть из-за этого мне дважды приходится вставать ночью. Конечно, пока мы плывем по Суэцкому каналу, это вроде бы и излишне, но не хочу терять навыков обращения с секстантом.

Времени у меня предостаточно, и мой досуг помимо писания писем заполнен наблюдением за ярмаркой тщеславия, окружающей меня со всех сторон. Среди этой галереи человеческих типов попадаются и презанятные. Про иных я Вам уже писал, вчера же в нашем салоне

появилось новое лицо. Представьте себе, он русский. Имя – Эраст Фандорин. Вы знаете, Эмили, как я отношусь к России, этому уродливому наросту, накрывшему половину Европы и треть Азии. Россия норовит распространить свою пародирующую христианство религию и свои варварские обычаи на весь мир, и Альбион – единственная преграда на пути сих новых гуннов. Если б не решительная позиция, занятая правительством ее величества в нынешнем восточном кризисе, царь Александр загреб бы своими медвежьими лапами и Балканы, и...

Впрочем, об этом я Вам уже писал и не хочу повторяться. К тому же мысли о политике плохо действуют на мои нервы. Сейчас без четырех минут восемь. Как я уже сообщал Вам, «Левиафан» до Адена живет по британскому времени, поэтому в восемь здесь уже ночь. Пойду замерю долготу и широту, потом поужинаю и продолжу письмо.

Шестнадцать минут одиннадцатого.

Я вижу, что не закончил про мистера Фандорина. Пожалуй, он мне нравится – несмотря на свою национальность. Хорошие манеры, молчалив, умеет слушать. Должно быть, он принадлежит к тому сословию, которое в России называют итальянским словом *intelligenza*, кажется, подразумевая образованный европейский класс. Согласитесь, дорогая Эмили, что общество, в котором европейский класс выделяется в особую прослойку населения и при этом именуется иностранным словом, вряд ли можно причислять к разряду цивилизованных. Представляю, какая пропасть отделяет человекообразного мистера Фандорина от какого-нибудь бородатого *kossack* или *muzhik*, которые составляют в этой татарско-византийской империи 90 % населения. С другой стороны, подобная дистанция должна необычайно возвышать и облагораживать человека образованного и думающего. Над этим еще надо будет поразмыслить.

Мне понравилось, как элегантно осадил мистер Фандорин (кстати, он, оказывается, дипломат – это многое объясняет) несносного мушкетера Гоша, который утверждает, что он рантье, хотя невооруженным глазом видно: этот тип занимается какими-то грязными делишками. Не удивлюсь, если он едет на Восток закупать опиум и экзотичных танцовщиц для парижских вертепов. [Последняя фраза перечеркнута]. Я знаю, милая Эмили, что Вы истинная леди и не станете пытаться прочесть то, что зачеркнуто. Меня немного занесло, и я написал нечто, недостойное Ваших целомудренных глаз.

Так вот, о сегодняшнем ужине. Французский буржуа, который в последнее время расхрабрился и стал что-то уж очень болтлив, принялся с самодовольным видом рассуждать о преимуществах старости над молодостью. «Вот я старше всех присутствующих, – сказал он снисходительно, этаким Сократом. – Сед, одутловат, собою нехорош, но не думайте, дамы и господа, что папаша Гош согласился бы поменяться с вами местами. Когда я вижу кичливую молодость, похваляющуюся перед старостью своей красотой и силой, своим здоровьем, мне нисколько не завидно. Ну, думаю, это не штука, таким когда-то был и я. А вот ты, голубчик, еще неизвестно, доживешь ли до моих шестидесяти двух. Я уже вдвое счастливее, чем ты в твои тридцать лет, потому что мне повезло прожить на белом свете вдвое дольше». И отхлебнул вина, очень гордясь оригинальностью своего мышления и кажущейся непрерываемостью логики. Тут мистер Фандорин, доселе рта не раскрывавший, вдруг с пресерьезной миной говорит: «Так оно безусловно и есть, господин Гош, ежели рассматривать жизнь в восточном смысле – как нахождение в одной точке бытия и вечное «сейчас». Но существует и другое суждение, расценивающее жизнь человека как единое и цельное произведение, судить о котором можно лишь тогда, когда дочитана последняя страница. При этом произведение может быть длинным, как тетралогия, или коротким, как новелла. Однако кто возьмется утверждать, что толстый и пошлый роман непременно ценнее короткого, прекрасного стихотворения?» Смешнее всего то, что наш рантье, который и в самом деле толст и пошл, даже не понял, что речь идет о нем. Даже когда мисс Стамп (неглупая, но странная особа)

хихикнула, а я довольно громко фыркнул, до француза так и не дошло – он остался при своем убеждении, за что честь ему и хвала.

Правда, в дальнейшем разговоре, уже за десертом, месье Гош проявил удивившее меня здравомыслие. Все же в отсутствии регулярного образования есть свои преимущества: не скованный авторитетами рассудок иногда способен делать интересные и верные наблюдения.

Судите сами. Амебообразная миссис Труфффо, жена нашего остолопа доктора, вновь принялась сюсюкать о «малютке» и «ангелочке», которым вскорости осчастливит своего банкира мадам Клебер. Поскольку по-французски миссис Труфффо не говорит, переводить ее слащавые сентенции о семейном счастье, немыслимом без «лепета крошек», пришлось ее несчастному супругу. Гош пыхтел-пыхтел, а потом вдруг заявляет: «Не могу с вами согласиться, мадам. Истинно счастливой супружеской паре дети вовсе не нужны, ибо мужу и жене вполне достаточно друг друга. Мужчина и женщина – как две неровные поверхности, каждая с буграми и вмятинами. Если поверхности прилегают друг к другу неплотно, то нужен клей, без него конструкцию, то бишь семью, не сохранить. Вот дети и есть тот самый клей. Если же поверхности совпали идеально, бугорок во впадинку, клей ни к чему. Взять хоть меня и мою Блани. Тридцать три года прожили душа в душу, пуговка в петельку. На кой нам дети? И без них славно». Можете себе представить, Эмили, волну праведного негодования, обрушившуюся на голову ниспровергателя вечных ценностей. Большие всех усердствовала сама мадам Клебер, вынашивающая в своем чреве маленького швейцарчика. При виде ее аккуратного, всячески выставляемого напоказ животика меня всего корчит. Так и вижу свернувшегося внутри калачиком мини-банкира с подкрученными усишками и надутыми щеками. Со временем у четы Клебер несомненно народится целый батальон швейцарской гвардии.

Должен признаться Вам, моя нежно обожаемая Эмили, что меня мутит от вида беременных женщин. Они отвратительны! Эта бессмысленно-животная улыбка, эта мерзкая мина постоянного прислушивания к собственной утробе! Я стараюсь держаться от мадам Клебер подальше. Поклянись мне, дорогая, что у нас никогда не будет детей. Толстый буржуа тысячу раз прав! Зачем нужны дети? Ведь мы и так безмерно счастливы. Надо только переждать эту вынужденную разлуку.

Однако без двух минут одиннадцать. Пора делать замер.

Проклятье! Я перерыл всю каюту. Мой секстант исчез. Это не бред! Он лежал в сундучке вместе с хронометром и компасом, а теперь его нет! Мне страшно, Эмили! О, я предчувствовал! Оправдались мои худшие подозрения!

Почему? За что? Они готовы на любую гнусность, только бы не допустить нашей встречи! Как я теперь проверю, тем ли курсом идет пароход? Это Ренье, я знаю! Я видел, какими глазами он посмотрел на меня, когда прошлой ночью на палубе увидел мои манипуляции с секстантом! Негодай!

Идти к капитану, потребовать возмездия. А если они заодно? Боже, Боже, сжался надо мной.

Пришлось сделать паузу. Так разволновался, что был вынужден принять капли, прописанные доктором Дженкинсом. И, как он велел, стал думать о приятном. О том, как мы с Вами будем сидеть на белой веранде и смотреть вдаль, пытаясь угадать, где кончается море и начинается небо. Вы улыбнетесь и скажете: «Милый Реджи, вот мы и вместе». Потом мы сядем в кабриолет и поедем кататься вдоль бере

Господи, что я несу! Какой кабриолет!

Я чудовище, и мне нет прощения.

Рената Клебер

Она проснулась в прекрасном настроении. Приветливо улыбнулась солнечному зайчику, заползшему на ее смятую подушкой круглую щеку, прислушалась к животу. Плод вел себя тихо, но ужасно хотелось есть. До завтрака оставалось еще целых пятьдесят минут, но Ренате терпения было не занимать, а скучать она просто не умела. По утрам сон покидал ее так же стремительно, как накатывал по вечерам – она просто клала голову на сложенные бутербродом ладони, и в следующую секунду уже видела какой-нибудь приятный и веселый сон.

Мурлыкая легкомысленную песенку про бедную Жоржет, влюбившуюся в трубочиста, Рената совершила утренний туалет, протерла свежее личико настойкой лаванды, а потом быстро и ловко причесалась: надо лбом взбила челочку, густые каштановые волосы затянула в гладкий узел, а по вискам пустила две завитушечки. Получилось как раз то что надо – скромненько и миленько. Выглянула в иллюминатор. Все то же: ровный окаем канала, желтый песок, белые глинобитные домики жалкой деревушки. Будет жарко. Значит, белое кружевное платье, соломенная шляпка с красной лентой и не забыть зонтик – после завтрака неприменный моцион. Впрочем, с зонтиком таскаться было лень. Ничего, кто-нибудь принесет.

Рената с видимым удовольствием покрутилась перед зеркалом, встала боком, натянула платье на животе. По правде говоря, смотреть пока особенно было не на что.

На правах беременной пришла к завтраку раньше положенного – официанты еще накрывали. Рената немедленно велела подать ей апельсинового сока, чаю, рогаликов с маслом и всего остального. Когда появился первый из соседей по столу – толстый месье Гош, тоже ранняя пташка, – будущая мать уже справилась с тремя рогаликами и подбиралась к омлету с грибами. Завтрак на «Левиафане» подавали не какой-нибудь континентальный, а самый настоящий английский: с ростбифом, яичными изысками, пудингом и кашей. Французскую часть консорциума представляли только круассаны. Зато за обедом и ужином в меню безраздельно властвовала французская кухня. Ну не почки же с бобами подавать в салоне «Виндзор»?

Первый помощник капитана явился, как всегда, ровно в девять. Заботливо осведомился о самочувствии мадам Клебер. Рената соврала, что спала плохо и ощущает себя совершенно разбитой, а все из-за того, что плохо открывается иллюминатор и душно. Лейтенант Ренье переполошился, обещал, что лично наведается и устранит неисправность. Яиц и ростбифа он не ел – придерживался какой-то мудреной диеты и питался в основном зеленью. Рената его за это жалела.

Потихоньку подтянулись остальные. Разговор за завтраком обычно получался вялый – те, кто постарше, еще не пришли в себя после скверно проведенной ночи; молодые же пока не вполне проснулись. Потешно было наблюдать, как стервозная Кларисса Стамп обхаживает заику-дипломата. Рената покачала головой: надо же выставять себя такой дурой. Ведь он тебе, милочка, в сыновья годится, даром что с импозантной проседью. По зубам ли стареющей жеманнице этакий красавчик?

Самым последним пришел рыжий Псих (так Рената называла про себя английского баронета). Космы торчат, глаза красные, уголок рта подергивается – жуть и ужас. Но мадам Клебер его ничуть не боялась, а при случае не упускала возможности слегка позабавиться. Вот и сейчас она с невинно-ласковой улыбкой протянула Психу молочник. Милфорд-Стоукс (ну и имечко), как и предполагалось, брезгливо отодвинул свою чашку. Рената знала по опыту, что теперь он к молочнику не притронется, будет пить кофе черным.

– Что это вы шарахаетесь, сударь? – дрогнув голосом, пролепетала она. – Не бойтесь, беременность не заразна. – И закончила уже безо всякой дрожи. – Во всяком случае для мужчин.

Псих метнул в нее испепеляющий взгляд, разбившийся о встречный – лучистый и безмятежный. Лейтенант Ренье спрятал ладонью улыбку, рантье хмыкнул. Даже японец, и тот улыбнулся Ренатиной выходке. Правда, этот месье Аоно все время улыбается, даже и безо всякого повода. Может, у них, у японцев, улыбка вообще означает не веселость, а что-нибудь совсем другое. Например, скуку или отвращение.

Отулыбавшись, месье Аоно отмочил свою обычную штуку, от которой соседей по столу с души воротило: достал из кармана бумажную салфеточку, громко в нее высморкался, скомкал и аккуратненько уложил мокрый комок на краешек своей грязной тарелки. Любуясь теперь на эту икэбану. Про икэбану Рената прочла в романе Пьера Лоти и запомнила звучное слово. Интересная идея – составлять букеты не просто так, а с философским смыслом. Надо бы как-нибудь попробовать.

– Вы какие цветы любите? – спросила она доктора Труффо.

Тот перевел вопрос своей кляче, потом ответил:

– Анютины глазки.

И ответ тоже перевел: *pansies*.

– Обожаю цветы! – воскликнула мисс Стамп (тоже еще инженеру выискалась). – Но только живые. Люблю гулять по цветущему лугу! У меня просто сердце разрывается, когда я вижу, как бедные срезанные цветы вянут и роняют лепестки! Поэтому я никому не позволяю дарить себе букетов. – И томный взгляд на русского красавчика.

Жалость какая, а то все так и забросали бы тебя букетами, подумала Рената, вслух же сказала:

– По-моему, цветы – это венцы Божьего творения, и топтать цветущий луг я почитаю за преступление.

– В парижских парках это и считается преступлением, – изрек месье Гош. – Кара – десять франков. И если дамы позволят старому невеже закурить трубку, я расскажу вам одну занятную историйку на эту тему.

– О, дамы, проявите снисходительность! – вскричал очкастый индолог Свитчайлд, тряся бородашкой а-ля Дизраэли. – Месье Гош такой великолепный рассказчик!

Все обернулись к беременной Ренате, от которой зависело решение, и она с намеком потеряла висок. Нет, голова нисколько не болела – просто Рената тянула приятное мгновение. Однако послушать «историйку» ей тоже было любопытно, и потому она с жертвенным видом кивнула:

– Хорошо, курите. Только пусть кто-нибудь обмахивает меня веером.

Поскольку стервозная Кларисса, обладательница роскошного страусинового веера, сделала вид, что к ней это не относится, отдуваться пришлось японцу. Гинтаро Аоно уселся рядом и так усердно принялся размахивать у страдальцы перед носом своим ярким веером с бабочками, что через минуту Ренату и в самом деле замутило от этого калейдоскопа. Японец получил реприманд за излишнее рвение.

Рантье же вкусно затянулся, выпустил облачко ароматного дыма и приступил к рассказу:

– Хотите верьте, хотите не верьте, но история подлинная. Служил в Люксембургском саду один садовник, папаша Пикар. Сорок лет поливал и подстригал цветочки, и до пенсии ему оставалось всего три года. Однажды утром вышел папаша Пикар с лейкой, видит – на клумбе с тюльпанами разлегся шикарный господин во фраке. Раскинулся на раннем солнышке, разнежился. Видно, из ночных гуляк – кутил до рассвета, а до дома не добрался, сомлел. – Гош прищурился, обвел присутствующих лукавым взглядом. – Пикар, конечно, осерчал – тюльпаны-то помяты – и говорит: «Поднимайтесь, месье, у нас в парке на клумбе лежать не положено! За это штраф берем, десять франков». Гуляка глаз приоткрыл, достал золотую монету. «На, говорит, старик, и оставь меня в покое. Давно так славно не отдыхал». Ну, садовник монету принял, а сам не уходит. «Штраф вы уплатили, но оставить вас тут я права не имею. Извольте-

ка подняться». Тут господин во фраке и второй глаз открыл, однако вставать не торопится. «Сколько ж тебе заплатить, чтоб ты мне солнце не заслонял? Плачу любую сумму, если отвяжешься и дашь часок подремать». Папаша Пикар в затылке почесал, прикинул что-то в уме, губами пошевелил. «Что ж, говорит, если вы, сударь, желаете приобрести часок лежания на клумбе Люксембургского сада, это будет вам стоить восемьдесят четыре тысячи франков и ни единым су меньше». – Седоусый француз весело усмехнулся и покачал головой, как бы восхищаясь наглостью садовника. – И ни единым, говорит, су меньше, так-то. А надо вам сказать, что этот подгулявший господин был не простой человек, а сам банкир Лаффит, наибогатейший человек во всем Париже. Слов на ветер Лаффит бросать не привык, сказал «любую сумму» – деваться некуда. Зазорно ему хвост-то поджимать и от своего банкирского слова отказываться. Но и деньжищи этикие за здорово живешь первому встречному нахалу отдавать неохота. Как быть? – Гош пожал плечами, изображая крайнюю степень затруднения. – Лаффит возьми и скажи: «Ну, старый мошенник, получишь ты свои восемьдесят четыре тысячи, но при одном условии: докажи мне, что поваляться часок на твоей паршивой клумбе, действительно, стоит таких денег. А не сумеешь доказать – я сейчас встану, отхожу тебя тростью по бокам, и обойдется мне это мелкое хулиганство в сорок франков административного штрафа». – Чокнутый Милфорд-Стоукс громко рассмеялся и одобрительно потрянул рыжей шевелюрой, а Гош поднял дожелта прокуренный палец: погоди, мол, радоваться, это еще не конец. – И что вы думаете, дамы и господа? Папаша Пикар, ничуть не смутившись, начал подводить баланс. «Через полчаса, ровно в восемь, придет господин директор сада, увидит вас на клумбе и начнет орать, чтоб я вас отсюда вывел. Я этого сделать не смогу, потому что вы заплатите не за полчаса, а за полный час. Начну препираться с господином директором, и он выгонит меня со службы без пенсионера и выходного пособия. А мне три года до пенсии. Пенсия мне причитается тысяча двести франков в год. Прожить на покое я собираюсь лет двадцать, итого это уже двадцать четыре тысячи. Теперь жилье. С казенной квартирki меня и мою старушку попрут. Спрашивается, где жить? Надо дом покупать. А скромный домишко с садом где-нибудь на Луаре самое меньшее еще на двадцать тысяч потянет. Теперь, сударь, о моей репутации подумайте. Сорок лет я в этом саду верой и правдой отгорбатил, и всякий скажет, что папаша Пикар – человек честный. А тут такой позор на мою седую башку. Это же взятка, подкуп! Думаю, по тысяче франков за каждый год беспорочной службы немного будет в смысле моральной компенсации. А всего как раз восемьдесят четыре тысячи и выходит». Засмеялся Лаффит, на клумбе поудобней растянулся и снова глаза закрыл. «Приходи через час, – говорит. – Будет тебе, старая обезьяна, твоя плата». Такая вот славная история, судари и сударыни.

– Значит, год беспорочности пошел по т-тысяче франков? – усмехнулся русский дипломат. – Недорого. Видно, со скидкой за оптовую п-продажу.

Присутствующие принялись живо обсуждать рассказ, высказывая самые противоположные мнения, а Рената Клебер заинтересованно уставилась на месье Гоша, который с довольным видом раскрыл свою черную папку и, прихлебывая подостывший шоколад, зашелестел бумажками. Любопытный экземпляр этот дедушка, ничего не скажешь. И что у него там за секреты такие? Зачем локтем прикрылся?

Ренате давно не давал покоя этот вопрос. Пару раз на правах будущей матери она даже пыталась заглянуть Гошу через плечо, когда тот колдовал над своей ненаглядной папкой, но вредный усач довольно бесцеремонно захлопывал досье у дамы перед носом, да еще пальцем грозил – нельзя, мол.

Однако сегодня произошло нечто примечательное. Когда месье Гош, как обычно, раньше других поднялся из-за стола, из его таинственной папки бесшумно выскользнул один листок и тихонько спланировал на пол. Рантье этого не заметил, погруженный в какие-то невеселые думы, и вышел из салона. Едва за ним закрылась дверь, как Рената проворно приподняла со

стула чуть погрузневшее в талии тело. Но не она одна оказалась такой наблюдательной. Благовоспитанная мисс Стамп, вот ведь приткая какая, подлетела к листку первой.

– Ах, господин Гош, кажется, что-то уронил! – воскликнула она, резво подобрав бумажку и впиваясь в нее своими острыми глазками. – Я догоню, отдам.

Но мадам Клебер уже ухватила цепкими пальцами за краешек и отпускать была не намерена.

– Что это? – спросила она. – Газетная вырезка? Как интересно!

В следующую минуту вокруг обеих дам собрались все присутствующие, лишь чурбан японец все гонял воздух своим веером да миссис Труффо укоризненно взирала на столь вопиющее вторжение в *privacy*.

Вырезка выглядела так:

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВЕКА»: НОВЫЙ ПОВОРОТ?

Дьявольское убийство десяти человек, произошедшее третьего дня на улице Гренель, продолжает будоражить умы парижан. Доселе преобладали две версии: о враче-маньяке и о секте кровожадных фанатиков-индусов, поклоняющихся богу Шиве. Однако нашей «Суар», ведущей независимое расследование, удалось выяснить новое обстоятельство, которое, возможно, придаст делу иной оборот. Оказывается, в последние недели покойного лорда Литтлби по меньшей мере дважды видели в обществе международной авантюристки Мари Санфон, хорошо известной полициям многих стран. Барон де М., близкий друг убитого, сообщил, что милорд был увлечен некоей дамой и вечером 15 марта, кажется, собирался отправиться в Спа на какое-то романтическое свидание. Уж не с госпожой ли Санфон была назначена эта встреча, которой воспрепятствовал приступ подагры, столь некстати приключившийся с бедным коллекционером? Редакция не берет на себя смелость выдвигать собственную версию, однако считает своим долгом обратить внимание комиссара Гоша на это примечательное обстоятельство. Ждите наших новых сообщений на эту тему.

ЭПИДЕМИЯ ХОЛЕРЫ ИДЕТ НА УБЫЛЬ

Муниципальное управление здравоохранения сообщает, что очаги холеры, борьба с которой тянется с самого лета, окончательно локализованы. Энергичные профилактические меры парижских медиков дали положительный результат, и можно надеяться, что эпидемия этой опасной болезни, начавшейся еще в июле, на– ...

– К чему бы это? – озадаченно наморщила лоб Рената. – Какое-то убийство, какая-то холера.

– Ну, холера тут явно не при чем, – сказал профессор Свитчайлд. – Просто так страница обрезана. Дело, конечно, в убийстве на рю де Гренель. Неужели вы не слышали? Все газеты писали об этом громком деле.

– Я не читаю газет, – с достоинством ответила мадам Клебер. – В моем состоянии это слишком нервирует. И уж во всяком случае мне незачем узнавать про всякие гадости.

– Комиссар Гош? – прищурился лейтенант Ренье, еще раз пробежав глазами заметку. – Уж не наш ли это месье Гош?

Мисс Стамп ахнула:

– Не может быть!

Тут уж подошла и докторша. Получалась настоящая сенсация, и все заговорили наперебой:

– Полиция, здесь замешана французская полиция! – возбужденно вскричал сэр Реджинальд.

Ренье пробормотал:

– То-то капитан меня все расспрашивает про салон «Виндзор»...

Мистер Труффо по обыкновению переводил своей супруге, а русский завладел вырезкой и внимательно ее изучал.

– Про индийских фанатиков – абсолютная чушь, – заявил Свитчайлд. – Я это утверждал с самого начала. Во-первых, нет никакой кроважадной секты последователей Шивы. А во-вторых, как известно, статуэтка благополучно нашлась. Разве религиозный фанатик выбросил бы ее в Сену?

– Да, с золотым Шивой просто загадка, – кивнула мисс Стамп. – Писали, что это жемчужина коллекции лорда Литтлби. Верно ли это, господин профессор?

Индолог снисходительно пожал плечами:

– Как вам сказать, сударыня. Коллекция лорда Литтлби возникла недавно, лет двадцать назад. За такой срок трудно собрать что-нибудь выдающееся. Говорят, покойник неплохо поживился во время подавления сипайского восстания 1857 года. Пресловутый Шива, например, был «подарен» лорду неким махараджей, которому за шашни с мятежниками грозил военно-полевой суд. Литтлби ведь много лет прослужил в индийской военной прокуратуре. Безусловно, в его собрании немало ценных вещей, но подбор довольно сумбурный.

– Да расскажите же мне, наконец, почему убили этого вашего лорда? – потребовала Рената. – Вот и месье Аоно тоже ничего не знает, правда? – обернулась она за поддержкой к японцу, стоявшему чуть в стороне от всех.

Японец улыбнулся одними губами и поклонился, а русский сделал вид, что аплодирует:

– Браво, мадам Клебер. Вы совершенно справедливо выделили самый главный вопрос. Я следил по прессе за этим делом. И причина преступления, по-моему, здесь в-важнее всего. Ключ к разгадке в ней. Именно «почему»! С какой целью убили десять человек?

– Ах, ну это как раз просто! – пожал плечами мисс Стамп. – Замысел был похитить из коллекции все самое ценное, однако преступник утратил хладнокровие, когда неожиданно столкнулся с хозяином. Ведь предполагалось, что лорда нет дома. Должно быть, одно дело – колоть шприцем, и совсем другое – разбить человеку голову. Впрочем, не знаю, не пробовала. – Она передернула плечами. – У злодея не выдержали нервы, и он не довел дело до конца. А что до выброшенного Шивы... – Мисс Стамп задумалась. – Быть может, он и есть тот тяжелый предмет, которым размозжили череп бедному Литтлби. Вполне вероятно, что преступнику не чужды обычные человеческие чувства и держать в руке окровавленное орудие убийства ему было противно или даже просто страшно. Дошел до набережной и выкинул в Сену.

– Насчет орудия убийства очень правдоподобно, – одобрил дипломат. – Я т-того же мнения.

Старая дева аж вспыхнула от удовольствия и явно смутилась, заметив насмешливый взгляд Ренаты.

– You are saying outrageous things, – укорила Клариссу Стамп докторша, дослушав перевод сказанного. – Shouldn't we find a more suitable subject for table talk?¹

Но призыв бесцветной особы остался втуне.

¹ Вы говорите ужасные вещи. Не следует ли нам подыскать более уместную тему для разговора? (англ.)

– А по-моему, самое загадочное здесь – смерть слуг! – вступил в криминалистическую дискуссию долговязый индолог. – Как это они дали себя колоть всякой гадостью? Не под дулом же пистолета, в самом деле! Ведь среди них было двое охранников, и у каждого на поясе кобура с револьвером. Вот где загадка!

– У меня есть своя гипотеза, – с важным видом произнес Ренье. – И я готов отстаивать ее где угодно. Преступление на рю де Гренель совершено человеком, обладающим незаурядными месмерическими способностями. Слуги находились в состоянии месмерического транса, это единственно возможное объяснение! «Животный магнетизм» – страшная сила. Опытный манипулятор может сделать с вами все, что ему заблагорассудится. Да-да, мадам, – обратился лейтенант к недоверчиво скривившейся миссис Труффо. – Абсолютно все.

– Not if he is dealing with a lady², – строго ответила она.

Уставший от роли переводчика мистер Труффо вытер платком лоснящийся от испарины лоб и бросился на защиту научного мировоззрения.

– Позволю себе с вами не согласиться, – зачастил он по-французски с довольно сильным акцентом. – Учение господина Месмера давным-давно признано научно несостоятельным. Сила месмеризма, или, как его теперь называют, гипнотизма, сильно преувеличена. Почтенный мистер Джеймс Брейд убедительно доказал, что гипнотическому воздействию поддаются только психологически внушаемые индивидуумы, да и то лишь в том случае, если полностью доверяют гипнотизеру и согласны подвергнуться гипнотическому сеансу.

– Сразу видно, дорогой доктор, что вы не путешествовали по Востоку! – белозубо улыбнулся Ренье. – На любом индийском базаре факир покажет вам такие чудеса месмерического искусства, что у самого отчаянного скептика глаза на лоб полезут. Да что говорить о фокусах! Раз в Кандагаре я наблюдал публичную экзекуцию. По мусульманскому закону воровство карается отсечением правой руки. Процедура эта до того болезненна, что подвергнутые ей часто умирают от болевого шока. На сей раз в краже был уличен сущий ребенок. Поскольку пойман он был уже вторично, суду деваться было некуда, пришлось приговорить вора к установленному шариатом наказанию. Но судья был человек милосердный и велел позвать дервиша, известного своими чудодейственными способностями. Дервиш взял приговоренного за виски, посмотрел ему в глаза, пошептал что-то – и мальчишка успокоился, перестал трястись. На его лице появилась странная улыбка, которая не исчезла даже в тот миг, когда секира палача отрубила руку по самый локоть! И я видел это собственными глазами, клянусь вам.

Рената рассердилась:

– Фу, какая гадость! Ну вас, Шарль, с вашим Востоком. Мне сейчас дурно станет!

– Простите, мадам Клебер, – всполошился лейтенант. – Я всего лишь хотел доказать, что по сравнению с этим какие-то там уколы – сущий пустяк.

– Опять-таки позволю себе с вами не согласиться... – Упрямый доктор приготовился отстаивать свою точку зрения, но в этот миг дверь салона открылась, и вошел не то рантье, не то полицейский – одним словом, месье Гош.

Все обернулись к нему в некотором смущении, словно застигнутые за не вполне приличным занятием.

Гош пробежал зорким взглядом по лицам, увидел злополучную вырезку в руках дипломата и помрачнел.

– Вот она где... Этого-то я и боялся.

Рената подошла к сивоусому дедуле, недоверчиво оглядела с головы до ног его массивную фигуру и выпалила:

– Месье Гош, неужто вы полицейский?

² Но только не в том случае, если он имеет дело с леди. (англ.)

– Тот самый комиссар Гош, к-который вел расследование «Преступления века»? – уточнил вопрос Фандорин (вот как его зовут, русского дипломата, вспомнила Рената). – Чем тогда объяснить ваш маскарад и вообще ваше присутствие на борту?

Гош немного посопел, пошевелил бровями, полез за трубкой. Видно было, что вовсю ворочает мозгами, решает, как быть.

– Сядьте-ка, дамы и господа, – необычайно внушительно пробасил Гош и поворотом ключа запер за собой дверь. – Раз уж так вышло, будем играть в открытую. Рассаживайтесь, рассаживайтесь, а то не ровен час под кем-нибудь ноги подкосятся.

– Что за шутки, месье Гош? – недовольно произнес лейтенант. – По какому праву вы здесь командуете, да еще в присутствии первого помощника капитана?

– А про это вам, молодой человек, сам капитан объяснит, – неприязненно покосился на него Гош. – Он в курсе дела.

Ренье сник и вслед за остальными снова уселся к столу.

Говорливый и добродушный ворчун, каковым Рената привыкла считать парижского рантье, вел себя как-то по-новому. В развороте плеч появилась осанистость, жесты стали властными, глаза засветились жестким блеском. Уже одно то, как спокойно и уверенно он держал затянувшуюся паузу, говорило о многом. Пристальный взгляд странного рантье по очереди остановился на каждом из присутствующих, и Рената видела, как некоторые поежились под этим тяжелым взором. Ей и самой, признаться, стало не по себе, но Рената, устыдившись, беззаботно тряхнула головой: да хоть бы и комиссар полиции, что с того. Все равно тучный, одышливый старикан, не более.

– Ну хватит нас интриговать, месье Гош, – насмешливо сказала она. – Мне вредно волноваться.

– Причина волноваться есть, вероятно, только у одного из присутствующих, – загадочно ответил он. – Но об этом позже. Сначала позвольте представиться почтенной публике еще раз. Да, меня зовут Гюстав Гош, но я не рантье – не с чего, увы, ренту получать. Я, дамы и господа, комиссар парижской уголовной полиции и работаю в отделе, занимающемся наиболее тяжкими и запутанными преступлениями. А должность моя называется «следователь по особо важным делам», – со значением подчеркнул комиссар.

В салоне повисло гробовое молчание, нарушаемое лишь торопливым шепотом доктора Труффо.

– What a scandal!³ – пискнула докторша.

– Я был вынужден отправиться в этот рейс, да еще инкогнито, потому что... – Гош энергично задвигал щеками, разжигая полупотухшую трубку. – ...Потому что у парижской полиции есть веские основания полагать, что на «Левиафане» находится человек, совершивший преступление на рю де Гренель.

По салону тихим шелестом пронеслось дружное «Ах!».

– Полагаю, вы уже успели обсудить это во многих отношениях таинственное дело. – Комиссар мотнул двойным подбородком в сторону газетной вырезки, по-прежнему находившейся в руках у Фандорина. – И это еще не все, дамы и господа. Мне доподлинно известно, что убийца путешествует первым классом... (снова коллективный вдох)... и, более того, в данный момент находится в этом салоне, – бодро закончил Гош, сел в атласное кресло у окна и выжидательно сложил руки чуть ниже серебряной цепочки от часов.

– Невозможно! – вскричала Рената, непроизвольно хватаясь руками за живот.

Лейтенант Ренье вскочил на ноги.

Рыжий баронет расхохотался и демонстративно зааплодировал.

Профессор Свитчайлд судорожно сглотнул и снял очки.

³ Какой скандал! (англ.)

Кларисса Стамп застыла, прижав пальцы к агазовой брошке на воротничке.

У японца не дрогнуло на лице ни единый мускул, но вежливая улыбка мгновенно исчезла.

Доктор схватил свою супругу за локоть, забыв перевести самое главное, но миссис Труффо, судя по испуганно выпученным глазам, и сама сообразила, в чем дело.

Дипломат же негромко спросил:

– Основания?

– Мое присутствие, – невозмутимо ответил комиссар. – Этого достаточно. Есть и другие соображения, но о них вам знать ни к чему... Что ж. – В голосе полицейского звучало явное разочарование. – Я вижу, никто не спешит падать в обморок и кричать: «Арестуйте меня, это я убил!» Я, конечно, и не рассчитывал. Тогда вот что. – Он грозно поднял короткий палец. – Никому из других пассажиров говорить об этом нельзя. Да это и не в ваших интересах – слух разнесется моментально, и на вас будут смотреть, как на зачумленных. Не пробуйте перебраться в другой салон – это только усилит мои подозрения. Да и ничего у вас не выйдет, у меня уговор с капитаном.

Рената дрожащим голосом пролепетала:

– Месье Гош, миленький, нельзя ли хоть меня избавить от этого кошмара? Я боюсь сидеть за одним столом с убийцей. А вдруг он подсыпет мне яду? У меня теперь кусок в горло не полезет. Ведь мне опасно волноваться. Я никому-никому не скажу, честное слово!

– Сожалею, мадам Клебер, – сухо ответил сыщик, – но никаких исключений не будет. У меня есть основания подозревать каждого из присутствующих, и не в последнюю очередь вас.

Рената со слабым стоном откинулась на спинку стула, а лейтенант Ренье сердито топнул ногой:

– Что вы себе позволяете, месье... следовательно по особо важным делам! Я немедленно доложу обо всем капитану Клиффу!

– Валяйте, – равнодушно сказал Гош. – Но не сейчас, а чуть позже. Я еще не закончил свою маленькую речь. Итак, я пока не знаю точно, кто из вас мой клиент, хотя близок, очень близок к цели.

Рената ждала, что вслед за этими словами последует красноречивый взгляд, и вся подавалась вперед, но нет, полицейский смотрел на свою дурацкую трубку. Скорее всего врал – никого у него на примете нет.

– Вы подозреваете женщину, это же очевидно! – нервно всплеснула руками мисс Стамп. – Иначе к чему носить с собой записку про какую-то Мари Санфон? Кто такая эта Мари Санфон? Да кто бы она ни была! Какая глупость подозревать женщину! Разве способна женщина на такое зверство?

Миссис Труффо порывисто поднялась, кажется, готовая немедленно встать под знамя женской солидарности.

– Про мадемуазель Санфон мы поговорим как-нибудь в другой раз, – ответил сыщик, смерив Клариссу Стамп загадочным взглядом. – А записок этих у меня тут полным-полно, и в каждой своя версия. – Он открыл черную папку и пошелестел вырезками. Их и в самом деле был не один десяток. – И всё, дамы и господа, попрошу меня больше не перебивать! – Голос полицейского стал железным. – Да, среди нас опасный преступник. Возможно, психопатического склада. (Рената заметила, как профессор потихонечку отодвигается вместе со стулом от сэра Реджинальда.) Поэтому прошу всех соблюдать осторожность. Если заметите нечто необычное, даже какую-нибудь мелочь, – сразу ко мне. Ну, а лучше всего будет, если убийца чистосердечно покается, деваться-то все равно некуда. Вот теперь у меня всё.

Миссис Труффо по-ученически вскинула руку:

– In fact, I *have* seen something extraordinary only yesterday! A charcoal-black face, definitely inhuman, looked at me from the outside while I was in our cabin! I was so scared!⁴

⁴ Я, действительно видела нечто экстраординарное, только вчера! Черная как уголь морда, совершенно нечеловеческая, посмотрела на меня из окна, когда я была в нашей каюте! Я была так напугана! (*англ.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.